

Отар КУШАНАШВИЛИ

Моск. правда. — 1995. —
11 янв. — с. 8.

Во время возвратного пути была такая жарынь!

Сабина по-прежнему любит Ахматову и не любит ныть

Все толки-перетолки о кончине истой музыки - зряшные. У меня, например, есть триста восемьдесят девять вещей, которые я могу без усталости ставить на предмет погружения в нирвану. И число их множится. Непроходимая густота симпатичных мотивчиков радует усталое сердце мое.

К заветному списку приплюсовались новые этюды моей старинной симпатии - **Сабины**, бившейся со временем насмерть и взявшей верх. Я даже знаю, за счет чего леди добилась виктории. За то, что, будучи помешанной на искусстве самой высокой пробы, не продешевила, не пошла на долбаный компромисс, не заметалась, наблюдая регрессию интереса к себе, а, будто ведая, что снижение его, интереса, сугубо временная пакость, ровно дышала, исправно ходила в Гнесинку, мурлыкала мелодии себе под нос, экзерсисами баловалась и жила со вкусом.

Мы вдоль и поперек изучили драмы вчерашних вундеркиндов: жизнь собачья согнула их в три погибели, дала по макушке и отпустила на все маршруты компаса проветриться. Эта жизнь с этой девушкой совладать не смогла.

Вооружимся лупой и придиричиво рассмотрим, дабы выяснить: почему?

Когда она брала Гран-при за Гран-при, у дальновидных людей началась трясучка: а каково будет сбегать по маршам высокой лестницы? Идти на бреющий полет? С постижением иных жизненных мудростей осознавать, что ревизия как бы закрывает клапан, из которого струились звуки? Каково будет осознать, что ее, Сабины, музыка не ширпотребного свойства, и быть готовым примириться с этой аксиомой без апокалиптических умозаключений? Достойно ли она отнесется к тому, что ее мелодии, хрупкие, как богемский хрусталь, с текстами почти эфирными, обречены на людей, умеющих шевелить мозгами?

И - список опасений можно длить. Включая самый примитивный: придут годы, приплюсуются к тем, что уже есть, а дальше? Свежесть восприятия окружающего мира тоже, знаете, допинг.

Прошло полтора года (ну, без малого, не придирайтесь). За это время я, например, расправил крылья,

стал писать еще витиеватее, что принуждает население требовать у моего начальства репрессивных мер в отношении меня, а, например, Пересветов стал еще суровее и по-редакторски капризнее, а что стало с Сабиной?

Ура: она отстояла чистоту дыхания!

При этом обратилась в грациозную даму.

До сих пор не умеет изъясняться серым, информационным голосом, а употребляет обертоны, показывающие, что отношение к голосу как хитросложному инструменту строгое, но не искусственно строгое.

Но кроме рафинированной литературы, есть проза, кроме ультрамаринового небосвода еще и лужи под ногами - образы нехитрые, простите. Я хочу сказать, что появились (как я

хотел этого! Как всякий доброжелатель Сабины) люди, освещающие ее тернистый путь: **Вано Ломидзе** (Торговый Дом «Капитал») и **Александр Суханов** (Федерация вольной борьбы г. Москва), чьи поступки по отношению к Сабине (например, в их активе помощь в создании двух клипкиншек в Одессе) дышат первозданным меценатством: люди не выпячиваются, выгод не преследуют, просто поддерживают симпатичное имя.

Имя с каждым днем становится все полнокровнее.

Даже с учетом - еще раз-жесткого статус-кво: у этой музыки будет, условно, сто из пятисот адептов, но каких! Вот в этом «каких» и есть то, ради чего Сабина вглядывается в себя и в мир, взбалмошный, местами престельный.